

УДК 882Д – 3.06

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Погребная В.Л., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются публицистические и беллетристические произведения Достоевского, в которых писатель обращается к проблемам женской эмансипации, выясняется его отношение к женскому творчеству и подвижничеству.

Ключевые слова: женский вопрос, эмансипация, женское творчество, «новая женщина», портрет, художественный образ, роман.

Погребна В.Л. ЖІНОЧЕ ПИТАННЯ” У ТВОРЧОСТІ Ф.М.ДОСТОЄВСЬКОГО / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються публіцистичні та белетристичні твори Ф.М.Достоевського, в яких письменник звертається до проблем жіночої емансипації, з'ясовується його оцінка жіночої творчості та жіночого подвижництва.

Ключові слова: жіноче питання, емансипація, жіноча творчість, „нова жінка”, портрет, художній образ, роман.

Pogrebna V.L. FEMALE PROBLEM” IN DOSTOEVSKY ART / Zaporizhzhya state university, Ukraine

In the article the publicistic and belleslettres novels of F.M. Dostoevsky are viewed. The writer addresses to the problems of female emansipation and demonstrates his personal relation to the female creativity and “podvizhnichestvo”.

Key words: female issue, emansipation, : female creativitv, “new women’, a portrait, artistic image, a novel.

В 1861 году Ф.М. Достоевский опубликовал в журнале «Время» две статьи, посвященные полемике с «Русским вестником» М.Н. Каткова по поводу женского вопроса и «Египетских ночей» А.С. Пушкина, – «Ответ «Русскому вестнику» и «Образцы чистосердечия». Эти статьи тематически близки. Писатель, требуя от мужчин уважения к женской личности, признания ее способностей и талантов, подходит к постановке женского вопроса не только с точки зрения экономической, политической, но, прежде всего, с точки зрения этической. В частности, в статье «Ответ «Русскому вестнику» он приходит к выводу о том, что «эмансипация сводится к христианскому человеколюбию, к просвещению себя во имя любви друг к другу, – любви, которой имеет право требовать себе и женщина» [1, 19, 126]. Такой взгляд на предназначение женщины легко вписывается в представления писателя об идеальном обществе, где все будут жить в духе заповедей Христа, где всё будет гармонично, в том числе, и отношения между мужчиной и женщиной. Писатель мечтал о таком гуманном обществе, где все были бы равны между собой, самодостаточны, с одной стороны, и взаимодополняемы, с другой. (Следует вспомнить, что идея взаимодополняемости мужчины и женщины присутствовала и в этической системе Н.Г Чернышевского). Ф.М. Достоевский писал в одной из своих записных тетрадей: «Вся ошибка «Женского вопроса» в том, что делят неделимое, берут мужчину и женщину раздельно, тогда как это единый целокупный организм. «Мужа и жену создал их. Да и с детьми, и с потомками, и с предками, и со всем человечеством человек единый целокупный организм. А законы пишутся, всё разделяя и деля на составные элементы. Церковь не делит» [1, 27, 46].

Статья «Образцы чистосердечия» носит ярко полемический характер, она, как и статья «Ответ «Русскому вестнику», направлена против позиции редакции журнала «Век», ясно высказанной Камень-Виногоровым (псевдоним П.И. Вейнберга (1831-1908), поэта и переводчика, исполняющего в это время обязанности редактора еженедельника «Век») в фельетоне «Русские диковинки» («Век», 1861, 22 февраля, № 8), где последний высказался по поводу чтения Е.Э. Толмачёвой, «статской советницей», «Египетских ночей» А.С. Пушкина на благотворительном вечере в Перми. Вейнберг в своем фельетоне изобразил Толмачёву Клеопатрой, жрицей сладострастия, потешающейся над своими поклонниками. В печати незамедлительно появились статьи, стихи и письма – протесты против грубой позиции «Века» по отношению к женщине (в дискуссии участвовали М.Л. Михайлов, Н.Н. Страхов, В.С. Курочкин, Н.В. Шелгунов и др. См. об этом [1, 19, 292-294]). Не остался в стороне от этой дискуссии и Ф.М. Достоевский, который, как и другие писатели, считал, что Вейнберг оскорбил женщину. В чтении «Египетских ночей» Достоевский не видит признаков распущенности, однако отмечает, что Толмачёва «поступила немного пылко и несвоевременно» [1, 19, 102], поскольку женщина в России всё ещё воспринимается как существо низшего порядка, нежели мужчина. Критик выступает сторонником женской эмансипации, однако рассматривает этот процесс как постепенный и длительный: «Этой

идеальной свободы пользования своими правами женщине ещё не дано. Она установится, когда установится общество и укрепятся нравственные правила в обществе...» [1, 19, 102]. Читать «Египетские [1, 19, 102], а добиваться своих прав насильно – бесполезно. Писатель, отрицающий насилие и революцию в принципе, не мог принять насильственное навязывание мнений, связанных с женской эмансипацией, пусть даже прогрессивных по сути. Именно поэтому в «Образцах чистосердечия» он высказывает такое мнение: «...всякая пропаганда производится не силой, а добротой, лаской, любовью, снисхождением, даже иногда к предрассудкам» [1, 19, 103]. Таким образом, защищая Толмачёву и её право голоса, Достоевский пытается найти разумную золотую середину в вопросе эмансипации женщины.

С января 1873 г. по апрель 1874 г. Ф.М. Достоевский был редактором журнала «Гражданин», на страницах которого систематически публиковались статьи, посвященные «женскому вопросу». До прихода Достоевского в это периодическое издание позицию журнала по женскому вопросу определял его издатель, В.П. Мещерский, который в ряде статей выступил ярким противником женской эмансипации и женского образования. Взгляды Достоевского по этому поводу отличались от взглядов Мещерского. Первыми выступлениями писателя по «женскому вопросу» в «Гражданине» являются две статьи-предисловия, им не подписанные, а напечатанные как редакционные («Предисловие к статье Л.Кохновой «Ответ женщины на призыв «Гражданина»: «К делу!» и «Наши студентки»). Авторство Достоевского устанавливает Н.Ф. Буданова, сравнивая эти предисловия со статьей писателя «Две заметки редактора», в которой подробно комментируются предисловия. Исследователь доказывает как общность взглядов писателя на женское образование в этих трёх статьях, так и общность стиля [2]. В «Предисловии к статье Л.Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв «Гражданина»: «К делу!» (Гражданин, 1873, № 13) Достоевский писал: «Эта статья г-жи Л.Ю. Кохновой есть, собственно, некоторый ответ на статьи кн. Мещерского по женскому вопросу, напечатанные в «Гражданине» в прошлом году» [1, 21, 275]. В отличие от В. Мещерского, который не признавал общественной роли женского высшего образования, редактор «Гражданина», напротив, считал, что именно высшее образование позволит женщине улучшить свое положение в семье и обществе: «облегчить общественное положение действительно нуждающейся в том женщины мы желали бы изо всех сил, ничуть не менее автора, а тем паче высшего для женщины образования. Мы желаем его в высшей степени, как основания всему, даже женскому вопросу...» [1, 21, 275]. В 1873 г. в журнале «Гражданин» (№ 22), как и в других периодических изданиях было опубликовано правительственное сообщение от 21 мая 1873 г. о запрещении русским студенткам посещать высшие учебные заведения Цюриха и отзывавшее их в Россию. Это оповещение сопровождалось статьей Достоевского «Наши студентки» (Гражданин, 1873, № 22). Статья написана осторожно. С одной стороны, Достоевский прямо не выступает против мер правительства, запрещающих обучение русских студенток в Цюрихе (он даже признает эти меры «важными» и «благоразумными» [3, 627]), однако, с другой стороны, заявляет о необходимости высшего женского образования: «Относительно пользы высшего образования для женщин, как общего, так и специального медицинского, трудно иметь два мнения: оно весьма нужно, и как весьма нужное – не может не быть желательным» [3, 627]. Писатель считает, что необходимость высшего женского образования вызвана общественной потребностью, а не прихотью моды. Действительно, в русском эмансипационном движении были не единичны случаи слепого подражания даже в таком серьёзном деле, как высшее образование. Ряд женщин воспринимали образование не как овладение научными и практическими знаниями, а только как лишь путь самореализации, самоутверждения «свободной женщины». Если правительство в высшем образовании женщин видит опасность политическую, то Достоевский видит опасность «нравственной фальши». Он пишет: «Наука уже перестает быть целью, а делается поводом или предлогом воевать с обществом во имя каких-то новых прав и искоренения каких-то старых предрассудков и старых воззрений на женщину» [3, 628]. Писатель считает, что в любом образовательном, научном учреждении студентки должны, прежде всего, думать о получении знаний. Автор выдвигает три условия, при соблюдении которых возможно успешное образование женщин: строгая учебная дисциплина; соблюдение правил нравственности; проведение ежегодных экзаменов, которые должны быть «безусловно строги» [3, 629].

Одна из слушательниц Высших женских курсов откликнулась на статью «Наши студентки», выступив в «Гражданине» (1873, №27) с публикацией «Заметки о высших женских курсах в Москве. Письмо к редактору», подписавшись криптонимом М.Г. Она полемизирует с Достоевским, доказывает, что русские студентки избрали не ложный, «фальшивый» путь в деле образования, а, напротив, идут правильным путём. Автор статьи подтверждает свои размышления конкретным примером: 1 ноября 1872 г. в Москве были открыты «Высшие женские курсы», где высшее образование «идёт надлежащим образом» [4, 761]. Достоевский ответил на это «письмо» статьей «Две заметки редактора» (Гражданин, 1873, № 27). Собственно ответом является первая заметка. Как и в статье «Наши студентки», о которой речь шла выше, писатель выступает сторонником высшего женского образования, однако указывает на опасность «нравственной фальши» в тех случаях, когда обучающиеся женщины стремятся не к образованию и науке, а лишь следуют моде, стремятся стать деятельницами «в разрешении какого-то современного женского вопроса» [1, 21, 154].

В высшем женском образовании Достоевский (пожалуй, единственный из писателей и критиков того времени) увидел путь к нравственному обновлению человечества. В «Двух заметках редактора» он пишет: «...явиться слушательницей высших курсов с мыслию и надеждой образовать себя, приобрести тем высшие духовные силы... вознестись до благородного понятия, что всеобщее образование женщины внесет новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества, – эта мысль, заявляем мы, эта надежда не только возвышенна, прекрасна и желательна в душе каждой слушательницы будущих высших курсов в России, но именно и есть начало единственного и настоящего разрешения «женского вопроса» и у нас, и в Европе, и везде, начало настоящей правильной постановки его!» [1, 21, 155]. Мысль о выдающейся нравственной роли высшего женского образования получит дальнейшее развитие в «Дневнике писателя» за 1873, 1876, 1877 гг.

Писатель высоко ценил нравственные качества русской женщины. В заметке «Один из благодетельствованных современной женщиной» (Дневник писателя, 1876, июль-август) он дискутирует с Н.Н. Страховым, который в статье «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» (Спб., 1871) доказывал, что англичанки представляют собой более высокий тип женской красоты и женских духовных качеств, нежели русские женщины. Достоевский считает, что русская женщина по своим нравственным и физическим качествам ничем не уступает англичанкам, француженкам, немкам. В подтверждение этой мысли он приводит пример воплощения женского идеала в литературе – Татьяна Ларина Пушкина, образы женщин у Тургенева и Льва Толстого. Художественные образы женщин у этих писателей, считает автор «Дневника», достоверны и правдивы: «...если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности. Не стану тоже говорить, например, о декабристах, о тысяче других примеров, ставших известными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах незримых, никому не видимых подвигах их, и иногда в какой обстановке, в каких тёмных, ужасных углах и труппах, среди каких пороков и ужасов!» [1, 23, 89].

Как и И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский нравственное начало в русской женщине считал более развитым, чем в мужчине. В статье «Нечто о вранье» (Дневник писателя, 1873, XV) он пишет: «В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьёзность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё было выше, чем у мужчин... Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она серьёзнее (выделено Достоевским), чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтобы казаться. Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?» [1, 21, 125]. Писатель развивает эту же мысль в статье «Несомненный демократизм. Женщины» (Дневник писателя, 1876, май), видя в русской женщине «огромную надежду, один из залогов нашего обновления» [1, 23, 28]. Достоевский констатирует, что за последние двадцать лет произошло возрождение русской женщины, поднялись её запросы и требования: «Она твёрдо объявила своё желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно... В жажде высшего образования она проявила серьёзность, терпение и представила пример величайшего мужества» [1, 23, 28]. К этой же теме Достоевский возвращается в статье «Опять о женщинах» (Дневник писателя, 1876, июнь), повествуя о восемнадцатилетней девушке из хорошо обеспеченной семьи, которая решила отложить учёбу и ехать на войну в Сербию, чтобы ухаживать за ранеными (эта девушка – Софья Ефимовна Лурье, дочь банкира, общающаяся с писателем на протяжении многих лет [1, 23, 379]). В её поступке писатель увидел жажду жертвы, подвига, желания принести пользу: «...тут одно дело и для дела и ни малейшего тщеславия, ни малейшего сомнения и самоупоения собственным подвигом, – что, напротив, очень часто видим в современных молодых людях, даже ещё только в подростках» [1, 23, 53]. Участие женщины в общем деле, её возросшие запросы, по мнению писателя, совершенно обоснованно ведут к требованию высшего образования, которое стало для русских интеллиенток настоятельной потребностью. В науке писатель видит не только способ развития женского ума, но и сдерживающий рычаг от крайностей нигилизма: «Только наука может дать ответ на их вопросы, укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расхолодившуюся мысль» [1, 23, 53].

Признавая и приветствуя идею равноправия мужчины и женщины, Ф.М. Достоевский выступает противником уподобления женщины мужчине (как во внешнем виде, так и во внутренних устремлениях). Такое уподобление он рассматривает как искажение, неправильное понимание идей женской эмансипации. В статье «Несомненный демократизм. Женщины» (Дневник писателя, 1876, май) от отмечает: «Вижу, впрочем, и некоторые недостатки современной женщины и главный из них – чрезвычайную зависимость её от некоторых собственно мужских идей, способность принимать их на слово и верить в них без контроля» [1, 23, 28]. Писатель считает, что женщина должна смотреть на мир своими глазами, мыслить без подсказки мужчин.

Вульгарные проявления женской эмансипации рассматривались писателем тоже как отклонение от нормы, от женского идеала. Отсутствие у женщин-эмансипек таких качеств как женственность, естественность, искренность, доброта, отзывчивость, семейственность, свидетельствовало, с точки зрения писателя, об омужничивании женщин, а не об их свободе. В 70-е годы писатель с радостью

увидел в женской среде совершенно новый тип эмансипированных девушек. В письме к Х.Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский рассказывает о встрече с двумя студентками Медицинской академии, которые поступили туда, «чтобы получить высшее образование и приносить потом пользу» [1, 29, кн. 2, 79]. Это было воплощением того, о чём мечтал писатель – о получении женщиной высшего образования для своей и общественной пользы, а не для участия в «женском вопросе». Его поразили серьёзные взгляды «новых женщин», их манера поведения, в которой не было рисовки, ненатуральности. Беседа шла естественно и непринужденно. «Этого типа новых девиц я не встречал (старых же нигилисток знаю множество, знаком лично и хорошо изучил, – пишет Достоевский в этом же письме. – Верите ли, что редко я провёл лучше время, как те два часа с этими девицами. Что за простота, натуральность, свежесть чувства, чистота ума и сердца, самая искренняя серьёзность и самая искренняя весёлость!» [1, 29, кн. 2, 79].

Интересно, что именно такие качества как «искренность» и «естественность» стали мерилем в определении Достоевским роли Жорж Санд как личности и роли её героинь в формировании самосознания русской интеллигенции. В июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год французской писательнице посвящено две статьи Достоевского, узнавшего о её кончине – «Смерть Жорж Санд» и «Несколько слов о Жорж Санд». Достоевский констатирует, что в 40-50-е гг. эта писательница заняла в России ведущее место в ряду целой плеяды новых писателей. Особое влияние творчество Санд оказало на формирование женского самосознания. Достоевский пишет: «Правда, как женщина сама, она, естественно, более любила выставлять героинь, чем героев, и, уж конечно, женщины всего мира должны теперь надеть по ней траур, потому что умерла одна из самых высших и прекрасных их представительниц и, кроме того, женщина почти небывалая по силе ума и таланта – имя, ставшее историческим, имя, которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейского человечества» [1, 23, 35]. Большинство героинь писательницы представляют собой тип высокой нравственной чистоты, естественности, женственности. Достоевский считает, что новаторство французской писательницы в создании женских образов заключается в том, что в них «среди милосердия, терпения и признания обязанностей долга являлась и чрезвычайная гордость запроса и протеста...», эти героини «жаждали жертв, подвига» [1, 23, 35]. Естественность героинь писательницы, многие из которых были эмансипированны, однако не потеряли своей женственности, чувства долга перед семьей и детьми, как и естественность самой Жорж Санд, которая носила мужское имя и мужской костюм, однако во всём оставалась женщиной, считает Достоевский, должны быть примером для русских женщин. Писатель подчёркивает, что французская писательница «умерла прекрасной матерью, трудясь до конца своей жизни, другом окрестных крестьян, любимая безгранично друзьями своими» [1, 23, 37]. Думается, что именно Жорж Санд в глазах Достоевского была истинно эмансипированной женщиной, которая свободно и самостоятельно развивала свои природные задатки, всю жизнь училась и трудилась.

Писатель был лично знаком с русскими женщинами подобного типа. В 1876 г. в связи с публикацией «Дневника писателя» ему написала письмо Х.Д. Алчевская (1843-1918). Личность этой женщины настолько заинтересовала писателя, что он стал с ней переписываться, а затем близко познакомился с её семьей. Х. Алчевская была не столько теоретиком или идеологом феминистического движения, сколько его практиком. Своей жизнью и деятельностью она утверждала жизненность и необходимость эмансипации. В начале 60-х годов XIX века Христина Даниловна основала в Харькове первую в России частную женскую воскресную школу и руководила ею более 50 лет. Известный педагог, активная деятельница народного образования, Алчевская лично обучила грамоте тысячи женщин. Школа существовала на её средства. Вся семья Христины Даниловны жила интересами школы: её старшая дочь и невестка бесплатно преподавали в ней, а сын заведовал хозяйственной частью (Дочь Алчевской – Христина станет известной украинской поэтессой, один из сыновей, Григорий, – педагогом-вокалистом и композитором, другой сын, Иван – певцом).

Х.Д. Алчевская была инициатором и одной из составительниц трёхтомного издания «Что читать народу?» (1884-1906). Книгу-пособие высоко оценили Лев Толстой, Глеб Успенский, Виктор Острогорский. Россия демонстрировала её на Всемирной парижской выставке 1889 г., где книга получила высшую награду *grand prix*. Христина Даниловна – автор мемуаров «Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания» (М., 1912), в которых подробно воссоздаются её встречи с И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским. Перу Алчевской принадлежит рассказ «Огородник» (Детское чтение, 1870, №13), очерк «История открытия школы в деревне Алексеевке» (Южный край, 1881, № 53-54), статья «Драматические произведения. Как они понимаются народом» (Северный вестник, 1887, № 3), а также две корреспонденции, напечатанные в «Колоколе» Герцена в 1859 и 1863 годах под псевдонимом Украинка [5, 448].

Понятно, что такая умная, деятельная, энергичная женщина не могла не заинтересовать Достоевского. Когда он познакомился с Алчевской, ей было 35 лет, она уже была матерью четверых детей. Писателя в этой женщине поразило не только её стремление к общественно полезному труду, просвещению народа, но и её «душевная свежесть» [6, 76], оптимизм. Он писал Алчевской 9 апреля 1876 г.: «...я вывел заключение, что Вы одна из тех, которые имеют дар «одно хорошее видеть»... Кроме того, вижу, что Вы

сама – из новых людей (в добром смысле слова) – деятель и хотите действовать» [1, 29, кн. 2, 77]. В другом письме к Христине Даниловне (от 29 мая 1876 года) писатель так выразил своё отношение к ней: «...я вас два раза видел и слушал, я составил уже о вас твёрдое мнение, – вы редкое, доброе и умное существо. Такие как вы, везде теперь нужны. А мы с женой именно вас любим по-родственному, как правдивое и искреннее умное сердце» [1, 29, кн. 2, 83]. Мы ещё раз убеждаемся в том, что для Достоевского искренность, естественность, доброта, сердечность, любовь к детям являются неотъемлемыми показателями его женского идеала.

Об интересе Ф.М. Достоевского к проблемам женской эмансипации, женскому творчеству свидетельствует переписка писателя с читательницами, поклонницами его литературного и человеческого таланта. Эти письма позволяют воссоздать колорит эпохи 60-80-х годов XIX века, дают представление о нравственном влиянии писателя на современников, в частности, на женщин. Среди корреспонденток Достоевского были известные писательницы и мемуаристки, педагоги и общественные деятельницы – Т.П. Пассек, А.О. Ишимова, Е.А. Штакеншнейдер, Л.Х. Симонова-Хохрякова, Х.Д. Алчевская, О.А. Новикова, С.И. Смирнова-Сазонова. Писатель отвечал на письма своих корреспонденток, встречался с ними лично, вникал в их проблемы, публиковал произведения на страницах редактируемых им журналов «Время» и «Эпоха».

Массовый приход как столичных, так и провинциальных женщин в литературу и журналистику был заметным явлением и не мог не заинтересовать Достоевского. Известно, что именно он способствовал публикации первых произведений А.П. Суловой и А.В. Корвин-Круковской, с которыми в разное время намеревался связать свою судьбу. В рассказах и повестях этих начинающих писательниц Достоевского привлекала мысль о необходимости высшей цели, помощи нуждающимся, а в их облике – стремление к независимости и самостоятельности. Писатель вел переписку и публиковал произведения женщин, являющихся членами Слепцовской коммуны – Е.И. Цениной (впоследствии Жуковской), А.Г. Маркеловой (В.А. Слепцов посвятил этой талантливой писательнице и переводчице свой рассказ «Питомка» (Современник, 1863, №7).

Общение Достоевского с женщинами-писательницами, его интерес к проблемам женской эмансипации повлияли на создание целой галереи незабываемых женских образов. Современная исследовательница творчества Достоевского Т.А. Касаткина в монографии «Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций» (М., 1996) утверждает, что в центре социальной проблематики романа «Идиот» находится «женский вопрос» [7, 218]. Если на метафизическом уровне главная проблема романа – проблема пола, то внутри ее (на уровне исторической реальности) существует проблема эмансипации женщины. Во многих сценах этого романа женский вопрос прямо поднимается и по-разному решается героями и героинями романа. Т.А. Касаткина пишет: «...женский вопрос» открыто и многократно заявлен автором как тема романа, при том что подчеркнуто авторское ироническое отношение к его расхожей и поверхностной трактовке...» [7, 219]. Расхожую трактовку «женского вопроса», с нашей точки зрения, Достоевский связывает с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Недаром многие персонажи «Идиота» читают этот роман. Воздействие «Что делать?» на читателей давало иногда неожиданные результаты, связанные с вульгаризацией идеи Чернышевского. Идея, попавшая на улицу, искажалась до неузнаваемости. Например, один из персонажей романа «Что делать?», Евгений Павлович Радомский, объясняет решение князя Мышкина спасти Настасью Филипповну только лишь тем, что тот решил на практике проверить действенность идеи женской эмансипации. Разумеется, князь не строил никаких рационалистических схем спасения падшей женщины, как бы это сделали герои Чернышевского.

В романе Достоевского «Идиот», действительно, много полемических ссылок на «Что делать?» (их подробно рассматривает Г.Е. Тмарченко [8, 328-333]). Однако, следует заметить, что, в принципе, Достоевский был солидарен с Чернышевским в вопросе необходимости экономической эмансипации женщины, получении ею равных прав с мужчиной на образование и труд. Это сказалось в создании концепции двух главных героинь романа «Идиот», с которыми претендовал связать свою судьбу князь Мышкин. Аглая Епанчина и Настасья Филипповна – «новые женщины», по-разному воспринимающие эмансипацию и идущие совершенно разными путями к своей свободе. В необыкновенно красивой Настасье Филипповне окружающие видят сильную натуру. Аделаида так характеризует эту потрясающую красавицу: «Экая сила... с этакою красотой можно мир перевернуть» [1, 8, 69]. Поведение этой независимой женщины отражает ее внутреннее состояние. В молодости она была совращена своим опекуном, Тоцким, и поэтому ненавидит мужчин, с одной стороны, но, с другой, не может существовать без них. Она мечется между князем Мышкиным и Рогожиным, ища спасения и успокоения своей души, и ей даже в голову не приходит мысль о том, что не они ее должны спасать, а она сама должна себя спасти – путем отказа от дармовых денег Тоцкого и Рогожина, путем самостоятельного труда. Недаром Аглая говорит: «Захотела быть честною, так в прачки бы шла» [1, 8, 473]. Достоевский смотрел на самостоятельность женщины как на естественный процесс экономического освобождения, то есть труда. Настасья Филипповна же рассматривает этот путь как невозможный для себя, вернее, она даже его не

рассматривает, ибо привыкла к роскоши, привыкла быть содержанкой. Именно поэтому ее бунт не имеет иного выхода, чем тот, который дает Достоевский – смерть от ножа Рогожина.

Л.А.Левина в статье «Некающаяся Магдалина или почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну» обращает внимание на то, что роман «Идиот» писался Достоевским именно в тот период, когда перед ним стояла проблема трудоустройства племянницы (он рекомендовал ей курсы стенографии как средство избавления от нежелательного замужества). Именно этой племяннице, С.А. Ивановой, была посвящена журнальная публикация «Идиота» (позже Достоевский снимет это посвящение). Незадолго до этого писатель сам женился на А.Г. Сниткиной, работавшей девушке, которая стенографией зарабатывала себе на жизнь. Л.А. Левина считает, что «в сознании автора «Идиота», несомненно, присутствовал вполне реальный и весьма почтенный образ самостоятельно работающей женщины, твердо стоящей на собственных ногах» [9, 348]. Таким образом, писателя волновала проблема женской самостоятельности и независимости, и он видел ее разрешение в труде и учебе, а не в раскрепощении нравов.

Исследователи творчества Достоевского чаще всего включают Настасью Филипповну в ряд «павших» женщин, которые есть практически во всех романах писателя, и совершенно не рассматривают этот образ в контексте идей женской эмансипации. Повествователь в романе дает ей такую характеристику: «Жила она больше уединено, читала, даже училась, любила музыку. Знакомств имела мало: она всё зналась с какими-то бедными и смешными чиновницами, знала двух каких-то актрис, каких-то старух, очень любила многочисленное семейство одного почтенного учителя, и в семействе этом и её очень любили и с удовольствием принимали... Кончилось тем, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красоте её знали все, но и только; никто не мог ничем похвастаться, никто не мог ничего рассказать» [1, 8, 39]. Героиня стремится к свободе, независимости, самоутверждению, но, с точки зрения Достоевского, идет совершенно не тем путем. Следует вспомнить название романа Лескова «Некуда». Некуда идти героине этого романа – Лизе Бахаревой, как некуда идти героине «Идиота» Достоевского, Аглае Епанчиной, которые избрали для себя «революционную» дорогу. Не ту дорогу избрала и Настасья Филипповна, идущая не к осознанию своих ошибок, очищению и покаянию, а, напротив, сорвавшаяся в рогожинскую беспредельность. Умная, образованная, решительная, свободная женщина могла бы найти другой выход из создавшейся ситуации. Писатель не считает ее положение безвыходным. Другая героиня Достоевского, Грушенька (роман «Братья Карамазовы»), обретает полную независимость и самостоятельность. Она находит силы отказаться от статуса содержанки. Писатель дает ей шанс к духовному возрождению – и она использует этот шанс, приняв решение сопровождать Дмитрия Карамазова на каторгу.

И Аглая, и Настасья Филипповна, и Грушенька обладают необыкновенной красотой (как известно, портретная характеристика у Достоевского является не только пластическим изображением наружности человека, но и изображением его внутреннего облика). Проявление духовности через внешние черты находит свое воплощение в изображении выражения глаз, мимики, жестов, в суждениях наблюдателя. Эти героини отличаются не только красотой, но и своим поведением (часто эксцентричным, вызывающим, находящимся на грани сознания и подсознания, вызванным диссонансом внутреннего мира с внешним), своим стремлением обрести любовь и гармонию. Интересно, что в этом ряду женских образов гармонию, отчасти, находит лишь Грушенька, во многом изображенная как женщина обыкновенная, её переживания лишены истерического надрыва, в сравнении с переживаниями Настасьи Филипповны, внешность не имеет черт романтического типа, как у её литературной предшественницы.

Достоевского, как и других писателей его времени (Гончарова, Лескова, Тургенева, Писемского, Хвощинскую), не могла не волновать проблема распада семей, происходящего не без влияния идей феминизма. Как в эпистолярном наследии писателя, так и в его публицистике и художественном творчестве отражены взгляды на семью как на закономерный итог любви. В художественных произведениях Достоевского практически нет счастливых семейств, родственной гармонии между членами семей. Предметом изображения писателя становятся «случайные семейства» (романы «Подросток», «Братья Карамазовы», «Идиот»), изображается «беспорядочная» любовь, разрыв родственных нитей. Сам писатель обрел гармонию в семейной жизни. Характерным фактом, с нашей точки зрения, является то, что Достоевский, видящий в молодости своими подругами жизни нигилисток (Жоржин-Круковскую, Суслову), всё же женится на А.Г. Сниткиной – интеллигентной трудящейся девушке. Ей не были свойственны крайности нигилисток, она почитала своих родителей, была во многом человеком обыкновенным и средним. В её духовном облике было много традиционного. Достоевский высоко ценил в ней самоотверженность, преданность, чуткость, терпимость, отзывчивость и доброту – те качества, которые традиционно связываются с обликом жены, матери, сестры.

Таким образом, Достоевский в своих публицистических и беллетристических произведениях размышлял о характере русской женщины, её судьбе, положении в семье и обществе, о необходимости женского высшего образования, об особенностях женского творчества. Если Н.Чернышевский и М.Михайлов, прежде всего, выступали за экономическое раскрепощение женщины, то Достоевский рассматривал

эмансипацию в русле нравственного воспитания общества, которое должно жить в духе основных заповедей Христа. Писатель воспринимал женщину как существо самодостаточное при условии разумного подхода к проблеме её «свободы», которую видел не в раскрепощении нравов, а в стремлении женщины к образованию и труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти тт. – М.; Л.: Наука, 1972-1990. В тексте даны ссылки на том и страницу. Если том состоит из нескольких книг, указывается номер книги.
2. Буданова Н.Ф. Неизвестные статьи Ф.М. Достоевского по женскому вопросу (Опыт атрибуции)/ Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. – Т.2. – Л.: Наука, 1976. – С. 236-244.
3. Достоевский Ф.М. Наши студентки // Гражданин. – 1873. – № 22. – С. 626-629.
4. М.Г. Заметка о высших женских курсах в Москве. Письмо к редактору // Гражданин. – 1873. – № 27. – С. 761-762.
5. Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881) /Достоевский Ф.М. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. – Т. 86. – М.: Наука, 1973. – С. 349-564.
6. Алчевская Х.Д. Встречи. Достоевский / Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. – М.: Типография Товарищества Сыгина, 1912. – С. 63-91.
7. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. – М.: Наследие, 1996. – 336 с.
8. Тмарченко Г.Е. Чернышевский-романист. – Л.: Художественная литература, 1976. – 464 с.
9. Левина Л.А. Некающаяся Магдалина, или почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века. Под ред. К. Степанян. – М.: Классика плюс, 1996. – С. 343-368.